

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачева

Из жизни Мэри,
в девичестве
Поппинс

Р О М А Н

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии *А. Дурасова*

Редактор серии *В. Горюнова*

Колочкова, Вера.

К61 Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Эксмо», 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-178646-5

Не успела Катя обрадоваться последним своим каникулам, как узнала печальные новости — от сестры ушел муж, оставив ее с тремя маленькими детьми. И пришлось Катерине все лето быть нянькой при своих племянниках. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло — девушка познакомилась с Гришей, сыном соседки, отзывчивым и веселым парнем. И стали ребята строить планы, чем можно помочь Катинной сестре, как ей мужа хорошего найти... Старшие сестры смеялись над ребятами поначалу, но ой как зря, знали ведь, что Катерина — девушка с боевым характером.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178646-5

© Колочкова В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

«Ура! Свобода! Наконец-то каникулы... Целых три летних месяца впереди! Здорово как...» — легкомысленно пропела про себя Катя и подпрыгнула на ходу, пытаясь зацепить ветку сирени. Нет, не получилось. Бросив сумку с книжками в траву, снова подпрыгнула и уцепилась-таки за прохладную гроздь, подтянула тяжелую ветку, отломила небольшой отросток. Выскользнувшая из рук ветка тут же пружинисто и возмущенно рванулась вверх, словно не желая больше отдавать ни грамма кудрявой пахуче-нежной красоты. «А мне больше и не надо, чего ты... — вежливо извинилась перед ней Катя. — Мне для полного счастья и этой маленькой веточки хватит. Каникулы у меня! Понимаешь? Последние мои школьные каникулы...»

Сиренью зарос весь их маленький двор, примыкавший к старому трехэтажному кирпичному дому довоенной еще постройки. Ее ненавязчиво-мещанский аромат, смешиваясь с доносящимися из открытых окон запахами жарящейся картошки с луком и ядреных борщевых приправ, создавал

ВЕРА КОЛОЧКОВА

почему-то необыкновенное ощущение ясности и простоты жизни, понятной и повседневной ее прозрачности и некоего даже счастья... А кто сказал, что счастье не может пахнуть жареной картошкой с луком? Особенно в теплых майских сумерках, особенно в сиреневом дворе родного дома, где прошло твое детство...

Подняв из травы сумку с книгами, Катя весело перекинула ее через плечо и быстро пошла к своему подъезду — дома Соня ее заждалась, наверное.

— Катюш, ну где ты так долго? Я и ужинать не сажусь — тебя все нет и нет...

— Да мы с девчонками на дальний пруд ходили!

— Зачем?

— А проверили, можно там купаться или нет. Завтра же у меня каникулы начинаются, Сонь! Ох уж и накупаюсь!

— Вот и не знаю, придется ли тебе купаться-то, Кать. Неприятности у нас большие. Леночка звонила...

— А что такое? С детьми что-то? — испуганно обернулась к ней Катя.

— Нет, с ребятами все в порядке.

— Уф, слава богу! А что тогда?

— Да бросил ее этот придурок! Муж так называемый... Садись давай ужинать быстрее, я расскажу.

Катя прошла из маленькой прихожей в комнату, скинула с себя и бросила на кровать юбку и белую школьную блузку, натянула старенький

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

ситцевый халатик. Пошла было на кухню, но, встретив на пути мамин взгляд, улыбающийся ей укоризненно с большого портрета на стене, круто развернулась, достала из шкафа плечики и, торопливо расположив на них свою одежду, так же торопливо засунула ее в шкаф. «Видишь, я хорошая девочка...» — улыбнулась она в сторону портрета. Показалось, что и мама ей тоже улыбнулась. Как всегда, впрочем...

— Сонь, а как это — бросил? — заходя на кухню и сядя за покрытый клетчатой клеенкой стол, возмущенно спросила Катя. — С тремя детьми мал мала меньше разве бросают? Ты что, Сонь, так не бывает...

— Бывает, Катюшка, бывает, — грустно вздохнула Соня, ставя перед ней тарелку с рассыпчатой гречневой кашей и одиноко пристроившейся сбоку бледной молочной сосиской. — Говорила я ей — ненадежный он человек, трусовато-хлипкий какой-то... Вот тебе и пожалуйста! И как она теперь одна с детьми справится?

— Ну да... А что она? Плачет?

— Ну конечно, плачет. Ты же знаешь нашу Леночку. Сидит вся, горем убитая. А самое интересное — с понедельника детсад на ремонт закрывают. Обидно, Тонечка только-только начала привыкать... И на работе ей отпуска не дадут — она недавно совсем устроилась. Это еще за то спасибо, что взяли на хорошее место с тремя маленькими детьми!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Сонь, так давай ребят на лето к себе заберем, а? Я же на каникулах!

— Да я сначала тоже об этом подумала... Только знаешь, нельзя ее там одну оставлять, изведется совсем. Она ж над детьми трясется, как курица-наседка! В общем, придется тебе, Катюшка, свое последнее лето в няньках провести. Вот прямо завтра с утра и поезжай к ней, чтоб к понедельнику успеть! Я б и сама поехала, да отпуск все равно не дадут — годовой отчет на носу.

Соня вздохнула, поковыряла вилкой гречку, задумалась.

— Даже есть не хочу, Кать! Целый день на работе ничего не ела, и не хочу. Прямо как обухом по голове ударили! Ну вот скажи — что это за мужик такой? Злой, капризный, детей совсем не любит... Да лучше век в девках вековать, чем с такой сволочью жить.

— Да ладно тебе! — с трудом проговорила Катя набитым кашей ртом. — Подумаешь, горе! Другого найдет!

— Да, Катюшка. В твоём возрасте все море по колено! И я вот такая же была, пока с вами одна не осталась...

Уже ночью, лежа в постели, Катя и сама тихонько, чтоб не услышала Соня, всплакнула в подушку — так Леночку жалко... Такая она у них сирота безответная — никогда себя защитить не может. Это она в маму, наверное... Они-то с Соней точно в отца пошли — уж умеют за себя постоять.

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

Почему-то Катя была уверена, что характер ей достался именно отцовский, да и внешность тоже, если судить по большой, увеличенной в несколько раз фотографии, вставленной в красивую рамку и висящей над ее кроватью вместе с портретом матери.

Ей ровно год был от роду, когда родители погибли, оставив старшую дочь, двадцатитрехлетнюю Соню, с восьмилетней тогда еще Леночкой и с ней, с Катей, совсем еще, получается, крохой на руках. Довольно глупо погибли — сами навстречу смерти полетели. Соня рассказывала — как получили письмо из детдома с приглашением на встречу выпускников, так ни минуты не сомневались — решили обязательно лететь в тот далекий, богом забытый сибирский городок. И ее, маленькую, хотели с собой взять, потому как грудная еще была. А Соня не дала — поезжайте, говорит, сами по себе, отдохнете от нас. Вот и отдохнули... Разбился их самолет над сибирской тайгой — никого в живых не осталось. И пришлось бедной Соне перекраивать свою жизнь, то есть быть сестренкам и мамкой, и нянькой. Благо, что эту квартиру в их военном городке навсегда им отдали, как детям погибшего офицера, а то б куда она с ними делась, родственников-то — никого. И ничего, что однокомнатная. Им и втроем места в ней всегда хватало. Тем более Леночка после школы в другой город уехала, в институт поступила, а потом сразу на втором курсе замуж выскочила.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

А чтобы после гибели родителей их по детским домам распихать — Соня к себе такой мысли и близко не подпускала. Хватит того, что мама с папой в детдоме росли... Как определили их туда в пятилетнем возрасте, так они и не расставались никогда, до самой своей смерти. И любовь у них такая была, что все кругом завидовали. Соня с самого ее сиротского малолетства вместо положенных на ночь детских сказок только про маму-папу и рассказывала — какие они хорошие были, да как дружили, да как потом поженились, да как мечтали себе много-много детей завести... А чем не сказка? Такая любовь, как у них, только в сказках и бывает. И ничем она не хуже Иванушкиной-Аленушкиной...

Катя, когда говорить начала, Соню мамой называть стала. Потом, чуть позже, — мамой Соней. У нее и звучало одним длинным словом: Мамасоня. С тех пор так и привыклось — Мамасоня да Мамасоня...

— Эй, котенок, ты чего так сопишь подозрительно? Плачешь, что ли? — подняла вдруг с подушки голову Соня.

— Нет... — шмыгнув носом, промычала Катя.

— Да я же слышу... Ехать не хочешь, может?

— Хочу-у-у... Просто мне Ленку жалко...

— Да мне и самой жалко, Катюш! Но что теперь сделаешь? Мне вот он сразу не к душе пришелся, Толик этот, когда она его знакомиться привозила. А потом, когда близнецы родились,

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

я уж и смирилась... Что ж, думаю, раз двое детей сразу... А потом еще и Тонечка на свет появилась! Ленка так радовалась тогда... Помнишь, как сказала? Хочу, говорит, чтоб у меня тоже трое детей было, как у мамы с папой... Вот так сама и сказала — не у нас с Толиком, а у меня... Так теперь и оказалось...

Соня всхлипнула вдруг и тоже расплакалась, уткнувшись в подушку, горестно заходила полными плечами. Катя, подскочив на кровати, тут же кинулась к ней, обхватила за голову и, развернув к себе Сонино лицо, начала покрывать быстрыми поцелуями мокрые от слез ее щеки:

— Мамасоня, ну что ты! Не надо, не плачь... Вот еще, будем мы из-за него плакать! Не справимся, что ли? Если что — к себе ее заберем, все вместе вырастим и Сеньку, и Веньку, и Тонечку.

— Да справимся, конечно, Катюш... Не о том я плачу... Просто я ж хотела, чтоб вы обе счастливы были! Чтобы образование получили, чтобы семьи у вас были хорошие. Раз на меня с двумя детьми на руках никто не позарился, вот я и хотела, чтоб у вас все хорошо сложилось, вроде как в компенсацию. Леночка-то поторопилась замуж... Что ж это — на третьем курсе уже родила! Хоть институт окончить удалось — и то слава богу. Специальность у нее хорошая, худо-бедно прокормится. Да и я всегда помогу... А ты на ее ошибках учишься, Катюшка!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Мамасоня, ну какие такие у Ленки ошибки? Да ну его вообще, этого ее Толика... Не плачь! Лучше расскажи мне сказку про маму-папу...

— Ой, ты что, маленькая, что ли? — рассмеялась сквозь слезы Соня. — Семнадцать лет девке, а она все сказку просит. И не стыдно тебе?

— Нет... Ни капельки... — устраиваясь под ее теплый бок, сонно проговорила Катя. — Давай, начинай.

— Ну ладно, слушай. Да и засыпай быстрее — утром тебе рано на поезд вставать. И в поезде смотри не выходи на остановках... Вообще, страшно мне тебя одну отпускать, да что делать? — вздохнула протяжно Соня, накрывая ее одеялом и проводя рукой по густым рыжим волосам. — Ну вот, значит жили были мальчик с девочкой, и не было у них мамы и папы...

* * *

Сойдя ранним утром с поезда и выйдя на при вокзальную площадь, Катя обнаружила вдруг, что совершенно не помнит ни номера автобуса, идущего в сторону Лениного дома, ни названия остановки, на которой ей надо выходить. А там еще где-то и пересадку делать надо... И немудрено, что не помнит — одна к Лене никогда не ездила, всегда вместе с Соней. «Вот ворона!» — ругнула она себя коротко. И звонить Лене в такую рань не хотелось — всех детей переполошит. И Соне тоже

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

не хотелось. Соня ее как взрослую от себя отпустила, а тут вдруг звонок — заблудилась, мол... Нет уж. Сама доберется. Язык, он и до Киева доведет.

Она долго выясняла у двух разговорчивых старушек, как же ей все-таки доехать до улицы Комсомольской. Старушки охотно взялись за объяснения, но довольно специфически — отправляли ее в абсолютно противоположные стороны. Они даже повздорили между собой, при этом каждая стойко и до конца отстаивала именно свою версию Катиного маршрута. В конце концов Катя отошла от них и обратилась за помощью к девушке, которая быстро назвала ей номера нужных автобусов и даже название остановки сумела воспроизвести из невразумительных Катиных пояснений: «...там вроде бы универсам есть и еще несколько серых таких домов в ряд стоят...» Что ж, и правда — язык до Киева довести может.

Лена открыла ей дверь и тут же бросилась на шею — бледная, глаза опухшие...

— Ой, Катька! Как же я соскучилась! Как здорово, что ты приехала! Мне же через пятнадцать минут на работу убежать надо! Посидишь с ребятами, ага? Ой, какая же ты умница... А как похорошела-то! Пряма девица взрослая совсем.

Тут же с визгом кинулись ей в ноги Сенька с Венькой — обожаемые белобрысые близнецы. Один вцепился в правую Катину ногу, другой — в левую.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ой, уроните же! — смеясь, наклонилась к ним Катя. Обняла одного, обняла другого, прижала к себе — обычная счастливая суматоха.

— Венечка, Сенечка, тише, пожалуйста! Не кричите так — Тонечку разбудите, — суетилась вокруг них Лена. — Катенька, пойдём, я тебе все покажу-расскажу.

Лена, на ходу одеваясь, протараторила про сваренную манную кашу, про ключи в прихожей на гвоздике, про деньги, хранящиеся в восьмом томе собрания сочинений Чехова, про шортики-маечки-колготки, чмокнула Катю в щеку и умчалась на работу, погрозив ласково близнецам пальцем — чтоб тетю Катю слушались!

— Ну? — закрыв за ней дверь, развернулась Катя к Сеньке с Венькой. — Хозяйничать будем? Я смотрю, вы еще и не умывались.

— Умывались! Умывались! — в один голос завопили мальчишки, разбегаясь от нее в разные стороны.

— Так. Вперед в ванную! Шагом марш, быстро! — подхватив их под мышки, скомандовала Катя. — А потом на кухню — завтракать будем.

Посадив мальчишек за стол и поставив перед ними тарелки с манной кашей, она тихонько заглянула в комнату и тут же расплылась в радостной улыбке: Тонечка, проснувшись, стояла в своей кроватке, уцепившись ручками за решетку, смотрела на нее удивленными глазками-пуговка-

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

ми. «Какая большая стала...» — подумала Катя, подходя к ней и ласково протягивая руки.

— Привет, малышка моя! Ты проснулась, что ли? Ну, здравствуй, котенок! Ты меня помнишь? Я Катя, тетушка твоя.

Тонечка вдруг скуксилась, удивленно ее рассматривая, скривила подозрительно губки и задышала глубоко, вот-вот собираясь заплакать.

— Мама де? Мама де? — захныкала она, колотя по решетке кровати пухлой ручкой.

— А мама скоро придет, котенок! Совсем скоро! Ты меня не узнала, что ли? Я же тетя Катя... Ну? Иди на ручки! Вот так... Какая ты тяжелая стала! — проговорила ласково Катя, выуживая Тонечку из кровати. — Сейчас мы с тобой умоемся, потом кашки покушаем. И я тоже с тобой поем, я тоже голодная. Пойдем, Тонечка.

С малышкой на руках она зашла на кухню и — опа... Картина перед глазами предстала еще та, которая, что называется, маслом писана — довольные близнецы упоительно размазывали остатки каши по своим недавно умытым мордашкам. Она всплеснула свободной рукой, быстренько усадила засмеявшуюся Тонечку на высокий стульчик и снова потащила мальчишек в ванную. А вернувшись через пять минут, и Тонечку тоже застала за увлекательнейшим занятием — девчонка, схватив обеими ручками оставленный на столе пакет с манкой, с таким же упоением рассыпала ее по полу кухни.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— О боже... — рухнула на кухонный стул Катя, опустив в изнеможении руки. — И полчаса не прошло, как я с вами нянькаюсь, а будто уже целый вагонный состав разгрузила!

— Мама де? Мамы неть... — глядя на нее хитрющими глазками, пролепетала Тонечка и развела в стороны пухлые ладошки.

— Да уж, Тонечка, мамы твоей неть... — передразнила ее, смеясь, Катя. — Выходит, я буду по совместительству твоей мамой. Целых три месяца. Пока твой садик не откроют.

— Теть Катя, а когда мы гулять пойдём? — ворвались на кухню Сенька с Венькой, когда она закончила кормить кашей девочку.

— Гуля-а-а-ть? — уставилась на них расширенными глазами Катя. — Ой, я не знаю даже... А вообще, вы правы, мальчишки, — тут же протянула она, изучая содержимое холодильника, а вернее — любуясь его первозданной пустотой. — Вы правы, гулять обязательно надо идти, и гулять мы пойдём с вами в магазин, иначе нам обедать нечем будет. Идите одевайтесь пока!

Кое-как разобравшись с ребячьей одеждой и усадив Тонечку в летнюю раскладную коляску, они шумным табором вышли из дома. Сенька, конечно же, сразу побежал в одну сторону, а Венька — в другую.

— Сенька! Венька! Вы что? Я ж коляску водить не умею! Научите меня сначала! — тут же выкрутилась из ситуации Катя, разведя вполне досто-

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

верно от «неумения» руки. — И магазин я не знаю где.

Мальчишки, заважничав, тут же вернулись к ней и, схватившись руками за коляску, дружно покатали ее по тротуару. «Все-таки как рано в мужчинах просыпается снисходительность к женской слабости, — совсем по-взрослому усмехнулась, глядя на них, Катя. — Надо будет научиться этим приемом пользоваться по прямому его назначению...»

— А мы знаем, где магазин, тетя Катя! Мы сейчас тебе покажем! — важно обернулся к ней Сенька.

— Ага! — подтвердил тут же его одинаковый братец. — Сейчас покажем!

Так и дошли они до большого супермаркета, важно катя коляску с Тонечкой впереди себя. «Ну вот, не так уж все и страшно, как показалось вначале, — обрадованно думала Катя, шагая за ними по тротуару. — Не такие уж они и маленькие — скоро по четыре года отмечать будем».

Однако радость ее оказалась преждевременной. В супермаркете, взяв Тонечку на руки, Катя со скоростью фокусника начала быстро кидать в большую тележку продукты — два пакета молока, творог, сыр, сосиски. Ага, вот полки с детским питанием.

— Девушка, это ваши дети? — вздрогнула Катя от строго-насмешливого голоса женщины в бело-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

красной клетчатой униформе. — Вы посмотрите, что творят!

С ужасом обернувшись, она увидела перемазанное шоколадом Венькино лицо. В руках он держал маленькую желтую коробочку — освобожденное от сладкой оболочки нутро киндер-сюрприза, изо всех сил пытаясь его открыть. А Сенька тем временем, аккуратно почистив банан, вонзил в него острые зубки.

— Ой, простите, ради бога! — испуганно проговорила Катя. — Веня, дай мне коробочку, я хоть до кассы дойду. Сенька, отдай банан немедленно... Ну пожалуйста, я на улице его тебе обратно отдам.

— Ты в няньках у них, что ль? — участливо спросила женщина, следя за ее суетой.

— Нет, я не в няньках. Я в тетках. Племянники это мои!

— Ну, тогда понятно. Да не суетись, пусть уж он ест этот банан. Я потом подойду к кассе, скажу.

Но и это было еще не все, что ждало ее в это утро. Подойдя с нагруженными пакетами к дому, Катя обнаружила вдруг, что забыла взять ключи от квартиры. Так они и остались висеть на гвоздике в прихожей, а дверь она просто захлопнула, выходя. И Тонечка, будто почувствовав ее растерянность, зашевелилась недовольно в коляске, захныкала требовательно, потянув к ней ручки. Опустив пакеты на асфальт, Катя взяла ее на руки

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

и чуть тут же не расплакалась и сама — Тонечкины штанишки были насквозь мокрыми, а запасные она захватить не догадалась. Что ж, придется Лене на работу звонить — пусть ключи везет. Сунув руку в карман брюк, она снова похолодела от ужаса — мобильник ее тоже остался в квартире. Глядя на ее растерянное лицо, примолкли испуганно и Сенька с Венькой, придвинулись к ней поближе, схватились за ноги — Сенька за правую, Венька за левую. Господи, ужас какой. Прижимая к себе плачущую Тонечку, Катя закрыла глаза.

— Девочка, может, помочь чем надо? — услышала она рядом спокойный женский голос. — Смотрю, так стоишь, будто бомба на вас на всех сейчас упадет.

Катя открыла глаза, увидела перед собой спокойное доброжелательное лицо немолодой уже женщины, улыбнулась сквозь слезы.

— Да вот... Ключи забыла, а Тонечка мокрая.

— А дети чьи? Твои, что ли? Вроде как знакомые дети-то мне. Видела я их тут раньше.

— Нет, это дети моей сестры. Я только сегодня приехала, она на работу ушла. А я... Я за продуктами. А дома и ключи, и телефон...

— Так. Все понятно с тобой. Ну что ж, пойдем, выручать будем тебя до вечера! Только вот малышку переодеть у меня не во что.

Подхватив сиротливо приткнувшиеся на асфальте пакеты и Тонечкину коляску, женщина

ВЕРА КОЛОЧКОВА

пошла в сторону стоящего напротив дома, махнув им приглашающе рукой.

— Меня Анастасией Васильевной зовут, а тебя как?

— А я Катя. Ой, Анастасия Васильевна, как неудобно-то.

— Ладно, потом извиняться будешь. Значит, в гости приехала, говоришь? А откуда?

— Из Лесогорска. Да вы не знаете, это маленький совсем городок. Военный.

— Гриш, открывай быстрее, не одна я, — нетерпеливо проговорила в домофон Анастасия Васильевна. И, обернувшись к Кате, по-доброму усмехнулась: — Ничего, милая, бывает. И со мной часто такая проруха случается. Выскочу впопыхах — все на свете дома забуду.

Дверь им открыл высокий худой парень с короткой стрижкой ежиком, отступил удивленно в прихожую.

— Мам, ты где столько детей взяла? Детский сад на прогулке заблудился?

— Да ладно тебе, Гриш. Помочь вот девочке надо. Она ключи от квартиры дома забыла.

— Это все твои, что ль? — весело прищурившись, спросил Гриша у Кати. — Ничего себе, мать-героиня школьного возраста! Да еще и рыжая.

— Ну хватит, Гриш! Совсем засмущал девчонку! Она и так чуть не плачет! Племянники это ее.

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

Проходи, Катюша, в комнату. Сейчас переоденем твою малышку, что-нибудь придумаем.

— Сенька! Венька! Пожалуйста, не лезьте никуда, я вас умоляю! — испуганно оглядываясь в поисках проشمыгнувших из прихожей в комнату детей, растерянно проговорила Катя.

— А ну, братва, пошли в мою комнату! Я вам что-то интересное покажу! Оставим девочек решать свои маленькие проблемки, — подхватил за руки близнецов Гриша.

— Ага, сынок, развлеки их там чем-нибудь, — махнула в его сторону Анастасия Васильевна. Потом произнесла, глядя на Тонечку, озадаченно: — Во что же мне тебя переодеть, малышка?

Через три часа, накормленные обедом, дети уснули вповалку на большом, разложенном во всю ширь диване в комнате. Катя, чуть ли не силой захватив место около мойки, старательно намывала посуду, уговорив Анастасию Васильевну посидеть немного и отдохнуть от хлопот, которые она таким неожиданным образом ей доставила. Гриша, стоя рядом, подхватывал у нее вымытые тарелки и протирал полотенцем, взглядывал на нее искоса с улыбкой.

— Значит, на все лето тебя в няньки определили, Катенька? — наливая себе вторую кружку чаю, спросила Анастасия Васильевна.

— Ага... Мы с Мамасоней решили обязательно Ленке помочь. Она одна осталась с детьми, и садик как раз на ремонт закрыли.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А почему она одна осталась?

— Так ее муж бросил...

— Да ты что! С тремя детьми?! Надо же...

А родители-то у вас есть?

— Нет, Анастасия Васильевна. Погибли они, когда мне только год исполнился. Нас старшая сестра вырастила, Соня. Мамасоня...

— Вот оно что... — грустно протянула женщина, подперев щеку кулаком и с жалостью глядя Кате в спину. — И как она теперь, сестренка твоя, с детьми своими управится... Ведь мал мала меньше!

— Да ничего, справится! Мы же поможем!

— Переживает, наверное?

— А то! Конечно, переживает. Когда ее утром увидела, аж сердце от жалости подпрыгнуло! Бледная вся, глазюки опухшие и еще больше похудела, по-моему... И что с ней делать, не знаю. Она ж тихоня у нас, категорически безответная.

— А ты не такая? — вставил свой вопрос Гриша, беря у нее из рук очередную тарелку.

— Я?! Я себя в обиду никому не даю! Еще чего не хватало! Да что я — мне бы Ленке помочь.

— Молодец, Катюша. Так и надо, — одобриительно произнесла Анастасия Васильевна, улыбувшись. — Молодец!

— А я вот слышал, что в таких случаях женщинам советуют обязательно ремонт в квартире сделать и любовника завести...

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

– Это где ты такое слышал, Гриш? – смеясь, спросила Анастасия Васильевна у сына.

– А вчера по телевизору программу одну смотрел, как женщин из кризиса развода выводят. Сказали, обязательно надо им какой-нибудь отвлекающий фактор организовать. А что, Кать? Давай твоей сеструхе тоже ремонт в квартире забабахаем, а?

– Ага! А потом сразу мужика нового найдем!

– А что, и найдем!

– Ой, как у вас просто все, я смотрю, деточки... Да мало ли что по телевизору насоветуют? – тяжело вздохнула Анастасия Васильевна. – Тут не один год пройдет, пока в себя-то придешь... Я ведь тоже с Гришей с пятилетним одна осталась. Помню, как это все тяжело было. Хоть и не совсем я молодая была, а все равно. Да и ребенок у меня один был, а тут сразу трое...

– Мам, ну чего ты тоску наводишь? Мы что, плохо с тобой жили?

– Да хорошо, сынок, хорошо мы жили. Ты у меня просто золото! И в институт сам поступил, и помогаешь всегда. Но все равно бедную девочку жалко! Сколько ей лет-то, Кать?

– Двадцать пять.

– Ой господи! Дите еще совсем. А старшей вашей сестренке сколько?

– В этом году будем сорок отмечать. Она мне как мама...

– Ну, это понятно! Тоже переживает, наверное?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ага... — вздохнула Катя. — Переживает. Плакала даже, когда я сюда уезжала.

— Ну а этот, отец-то ребяташек, о чем думает? Наплодил детей, а теперь вот...

— Да детей Ленка сама хотела. Он вообще против был. Да ну его! Он нам с Соней никогда и не нравился. Это Ленку нашу знать надо — только она с таким придурком жить и может.

Вытерев руки о полотенце, висящее на Гришином плече, Катя по-свойски уселась за кухонный стол, приняла из рук Анастасии Васильевны чашку с чаем.

— Как хорошо у вас... — оглянулась она вокруг. — Уютно и чисто. И добротой пахнет.

— А чем доброта пахнет, по-твоему? — взглянул на нее заинтересованно Гриша.

— Доброта? А у нее такой специфический запах, знаешь... Свежий такой, а еще от него улыбаться хочется!

— Да? Интересная ты девчонка. Слушай, Кать! Шутки шутками, а может, ремонт у твоей сеструхи и впрямь сделаем? Я бы ребят из группы на помощь позвал. Для них практика будет — мы ж на факультете дизайна учимся.

— Ну-ну! Разошелся, — шутливо шлепнула по руке сына Анастасия Васильевна. — Вы сначала у нее поинтересуйтесь, нужен ли ей ваш ремонт.

— А что? И поинтересуемся! Да, Кать?

— Ой, вон и Ленка домой бежит на всех парах! — улыбнулась Катя, глядя в кухонное

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

окно. — Потеряла нас, наверное. Телефон-то я дома оставила... Видно, с работы пораньше отпросилась. Надо ребят будить, да и пойду я! Спасибо вам, Анастасия Васильевна! И тебе, Гриш, спасибо.

— Стой! — резко развернулся к ней Гриша, выставив вперед указательный палец. — Пока номер телефона не оставишь, никуда не отпущу! А то ищи тебя потом по всему дому.

— Ой, да возьми! — засмеялась весело Катя, быстро поднимаясь со своего стула. — Жалко мне, что ли? Записывай.

* * *

Какие сумерки в июне — особенные... Можно часами стоять у окна и смотреть, как медленно, будто нехотя, перетекает в ночь яркий солнечный день, как собирается сиреневая тьма под деревьями, как небо осторожно и неохотно укрывается серо-желтой пленкой из лунного света, будто вязаной шалью. Медленная, торжественная картина уходящего. Погружение в сладкий летний сон. Красота! Странно, почему он раньше не замечал? Не ложились никогда так остро на душу все эти природные игрища, да и недосуг ему было вечерами вот так стоять, глядя в окно. Когда слишком счастлив, красота закатов-рассветов принимается в виде законного приложения к этому счастью, не более того. И жизнь крутится ярким запланированным калейдоскопом, и одна удача сменя-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ет другую, и кажется, что так будет всегда, и не останется ни минутки времени на грустное это созерцание, похожее на бегство от ярких красок дневного света. А ведь, между прочим, год уже прошел с того злополучного июня — как медленно он прошел, и как быстро.

И тогда, в том страшном июне, были такие же теплые сумерки, и они с Настей и Ванюшкой медленно шли-плыли по их сиренево-вечной задумчивости, держась за руки, — так не хотелось возвращаться в душную, прогретую за день солнцем квартиру. И он остановился у киоска — сигарет купить. И все. И точка. Калейдоскоп его безмятежного счастья остановился под жуткий визг тормозов, разорвав его жизнь с этой точки на две части: одна — до того, другая — после. И откуда его только вынесло, подлый грузовик, в такой поздний час именно на этот всегда, в общем-то, тихий перекресток? Там и светофора-то нет. Только белые наивные полосочки пешеходного перехода, и все. И все! И нет у него ни жены, ни сына. Потом, конечно, выяснилось, что за рулем грузовика сидел вдрызг пьяный водитель. Осудили его, конечно, а только никому от этого не легче. Он думал, тоже после этого жить не сможет. Но смог вот. Живет. Квартиру поменял, чтоб не ходить каждый божий день по белым полосочкам того проклятого перекрестка, и живет. На работу ходит, ужин себе готовит иногда. А еще у окна стоит часами, чтобы не оборачиваться назад, не смотреть на сложенные

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

тюками, сгруженные в общую кучу и так и не разобранные уже целый год вещи — символы разгрома его предыдущей жизни. И любитесь вот этими сумерками... А иногда, если повезет, он видит ее, ту молодую счастливую мамашу — она так похожа на его Настю! Или ему кажется? Может, она просто тем же самым торопливым Настиным жестом заправляет за уши рассыпающиеся по лицу прямые русые волосы, или так же щурится беззащитно, или у нее такое же, как у Насти, всегда трогательное выражение лица — как будто только-только холодной водой умылась. Только он один знал про это Настино настоящее лицо — красивое, светящееся свежестью, без единой капельки грима, и впрямь как утренней росой умытое. Это для всех она была звездой эфира — красавицей Анастасией Багоровой, телеведущей крепкой интересной программы на их канале. И он гордился ею бесконечно. Гордился ее низковатым чуть с хрипотцой голосом, красивым, умным, чуть ироничным лицом на экране, безупречностью ее русского языка. И союзом их брачно-творческим гордился — такой один на тысячу бывает. А может, и реже даже. Она — известная телеведущая, он — оператор-профессионал.

Странно, но у этой молодой женщины — такое же лицо. Ничем, в общем, не примечательное, но такое же, будто светящееся внутренней невидимой чистотой. И еще он как-то поймал себя на мысли, что если увидит ее с вечера, то обязательно следу-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ющий день будет удачным. Вот такая вот образовалась у него примета. Смешно как. Уже целый год стоит вечерами у окна здоровенный бородатый мужик и верит в приметы. И ждет, когда же вернется с прогулки молодая мама из дома напротив вместе со своим выводком — двумя шустрými близнецами и маленькой дочкой в коляске...

А вообще, надо ее как-нибудь сфотографировать. Интересный кадр может получиться — юная многодетная мама. Хотя чего тут интересного-то? Еще и засмеют. Скажут, совсем наш Багоров крышу себе снес — многодетными мамашами стал интересоваться. А он и не интересуется вовсе, просто она на Настю похожа. Вот он завтра попросит папарацци-наглюка Сашку Прохорова — он ее и сфотографирует. Он это классно делает, мастерски, из-за кустов. А фотографию потом здесь, у себя в квартире, на стенку повесит. И пусть себе висит. Если такая примета образовалась, то отчего и нет... Она ж все равно об этом никогда не узнает. Еще чего не хватало! Главное — чтоб Сашка ее не напугал. А то она возьмет да мужу расскажет, как неизвестный придурок ее из-за кустов фотографирует — навлечет еще ненароком на себя ревности-неприятности.

* * *

— Ой, а кто это у нас такой красивый? Катерина, это ты, что ли? Ничего себе... А я тебя только рыжей тринадцатилетней каракатицей и пом-

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

ню! — разглядывала Катю Ленина подруга Света, ярко покрашенная блондинка с длинными, распущенными по плечам локонами. — А как ты оформилась красиво! Слышь, Ленк, действительно, в расход нас с тобой пора... Смотри, какая молодежь подтянулась! Прямо на пятки наступают!

— Да ладно тебе, Свет! Перехвалишь девчонку! Идите на кухню, чего вы в прихожей разобнимались? Я сейчас ребят уложу и приду к вам.

— Ты когда приехала? — снова повернулась Света к Кате, продолжая восхищенно ее рассматривать.

— Утром сегодня. Уже и нанянькаться успела, и Лену перепугать до смерти. Представляешь, я в магазин ушла, а ключи с мобильником дома оставила! Она звонит-звонит домой — нет никого! Чуть с ума не сошла! Домой бежала — в зубах крови нет, как бы наша Мамасоня выразилась.

— Ну как она, переживает? — тихо проговорила Светлана, мотнув головой в сторону комнаты. — Пойдем и правда на кухню, пошепчемся.

— Ага, переживает, конечно, — тихо проговорила Катя, опускаясь на кухонный стульчик. — Прямо видно по ней, как изводится! Правда, мы еще толком и не поговорили. Я ведь всего полчасика назад сюда с детьми заявила. Меня женщина одна приютила, из дома напротив.

— Значит, ты про Толика еще не спрашивала?

— Нет еще...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— И правильно! И помалкивай, сама разговоров не заводи. Так лучше для нее будет.

— Почему это?

— Да зачем? Только душу рвать.

— А может, наоборот?

— Нет, Катька. Я знаю, что говорю. Вернее, по себе знаю. От меня же Павлик тоже ушел...

— Да-а-а?

Катя удивленно уставилась на Свету, расширив от ужаса глаза. Институтская Ленина подруга всегда поражала ее крайней, порой доходящей до цинизма уверенностью. Как Мамасоня про нее говорила — не подруга, а пуп земли. Или правильнее сказать — пуповина? И наряды у Светы были самые что ни на есть откровенные, и голос приказной, рассыпающийся веселыми капризными нотками. Скомандует — и почему-то сразу бежать и выполнять хочется.

Она ей всегда очень нравилась, эта Света. А вот Соне почему-то нет. Соня говорила, что она Ленку подавляет. И муж Светин, Павлик, был ей под стать. Высокий, красивый, фактурный, уверенный в себе парень — мечта каждой девчонки. И очень умный. Они все и учились в одной институтской группе — Ленка и Света, Толик и Павлик. И поженились вместе на втором курсе — сразу две свадьбы сыграли. И потом тоже дружили... И вот на тебе...

— Как это — ушел? — переспросила Катя, удивленно хлопнув глазами. — Навсегда, что ли?

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

– Ну да. А что, Ленка тебе не рассказывала?

– Нет, говорю же – только сегодня приехала.

– А... Ну, все понятно...

– Чего тебе понятно, Свет? – тихо зашла на кухню Лена, кутаясь в шерстяной платок. – Мерзну, понимаешь, все время, будто зима на дворе.

– Да замерзнешь тут, Ленк, с придурками нашими! Захиреешь, отморозишься и помрешь. Ты давай держись, подруга! Чего ты сразу расквасилась так? Тебе нельзя!

– А тебе, значит, можно? – грустно улыбнулась ей Лена.

– Ну, у меня вообще другой случай. Ты же много Павлика знаешь – просто очередная блажь в голову пришла, повлюбяться немного решил. У него же всю жизнь так. Если что взбрет в голову – надо пройти все до конца. Огонь так огонь! Воду так воду! Трубы так трубы... А твой опять куда за ним рванул? А? Господи, смешно даже.

– В каком смысле? – уставилась на нее непонимающе Катя. – Куда он за ним рванул?

– Ну, понимаешь, Катерина, как бы тебе объяснить, маленькая ты еще...

– Ой, да пойму я все, Света! Не тупая!

– Ишь ты! Смотри, как разговаривает, – глядя на Лену, мотнула одобрительно головой в сторону Кати Света. – Как большая.

– Да она у нас всегда умницей росла, Свет. С детства самостоятельная. Мы с Соней и хлопотно особых с ней не знали... Да, Кать? Только од-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

нажды испугались. Заглянули в комнату, а она там с портретами отца с матерью всю разговаривает, будто с живыми... Сколько тебе лет было, Катя, не помнишь?

— Нет... — засмушалась вдруг Катя. — Может, шесть, может, семь.

— О господи... — только и вздохнула Света. — Подумаешь, ребенок с портретами родителей разговаривал! Это все можно понять прекрасно.

Лена, вдруг выставив вперед ладонь и прислушавшись, замерла на секунду, потом соскочила и молнией унеслась в комнату, откуда и в самом деле послышалось сонное кряхтенье Тонечки.

— Свет, ну? — выжидательно уставилась на нее Катя. — Объясни, пока Лены нет..

— Да понимаешь, Катя... Как бы это объяснить в двух словах...

Света вдруг усмехнулась, задумалась глубоко. Да уж, в двух словах... Тут и тысячи слов не хватит, чтоб рассказать девчонке о странных и болезненных отношениях этих двух мужиков — ее мужа Павлика и Ленкиного Толика, она и сама долго никак их понять не могла.

Дружили Толик и Павлик с детства. Вернее, это Толик с Павликом дружил. А Павлик — так себе. Некогда ему было с ним дружить, да и неинтересно. Он вообще был с детства лидером, всегда первым, всегда лучшим, и друзей всяческих вертелось вокруг него тьма-тьмущая. Толик просто терялся в их толпе — тихий незаметный

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

мальчик, серый троечник. Но и особо рьяно его Павлик от себя не отталкивал, потому как то ли нравилось ему, то ли забавляло наблюдать, как Толик пыжится изо всех сил, страстно ему во всем подражая, как лезет из него серая и глупая напыщенность — бледная, уродливая тень второсортности, не желающая этой второсортностью быть ни при каких обстоятельствах. И посмеивался Павлик над ним за это частенько, и помыкал, бывало, а только далеко от себя все равно не отпускал. Нужен был ему Толик, как некое доказательство своей жизненной первичности. Раз завидуют — значит, состоялся. Раз подражают — значит, тем более. И после школы потащил Толика за собой в Политехнический, и дела ему не было, как этот Политехнический бедному Толику дался. Сам-то Павлик школу с золотой медалью окончил.

— Свет, ну чего ты молчишь? — нетерпеливо затормошила Свету Катя. — Давай рассказывай...

— Ну, в общем, дружат они так странно, Кать, — грустно улыбнувшись, тихо проговорила Света. — В народе это называется — куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Толику вашему, понимаешь ли, никак нельзя ни в чем от моего Пашки отстать. У него, понимаешь ли, такая хроническая болезнь образовалась — быть не хуже Пашки. Он и к сеструхе твоей в институте только потому клинья подбил, что Пашка со мной зажегнулся. Пашка меня в ЗАГС потащил, и Толику

ВЕРА КОЛОЧКОВА

тоже срочно жениться приспичило... А только в этом моменте Ленка его подвела малость.

— Как это? — растерянно спросила Катя и улыбнулась недоверчиво.

— А вот так это! У нас с Пашкой один Вовка родился, а Ленка Толику сразу двойню преподнесла. А потом еще и Тонечку впридачу. Он, бедный, все психовал на Ленку, пока однажды Пашка его не похвалил. Молодец, говорит, Толян, — троих детей родил... Я бы тоже так, да Светка не хочет... Прямо звездный час он тогда Толику устроил! Да только не успел он, бедный, и насладиться как следует, как все уже и поменялось по-быстрому...

Света вздохнула, снова замолчала, провалившись в свои грустные мысли. Вспомнились тут же события последних дней, промелькнувшие, будто короткометражный фильм с экрана телевизора, вспомнилось, как Павлик, без разбору скидывая в открытый чемодан вещи из шкафа, говорил ей что-то быстро и очень виновато, как плакал в это время в детской сын Вовка.

— Ну? Что поменялось-то, Свет? — вернула ее в разговор нетерпеливая Катя.

— А сама догадаться не можешь, что ль? — рассердилась вдруг на нее Света. — А говоришь, не тупая... Любовь приключилась у моего Пашки, поняла? Большая и светлая! И не стало ему дела ни до меня, ни до детей, настоящих и будущих... И не нашел в этот момент Павлик себе другого

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

друга, кроме Толика, которому можно было бы свои страдания излить по поводу разрушенного семейного счастья да об угрызениях совести покричать, колотя себя кулаком в грудь. Ну, а теперь-то хоть догадалась, что дальше по логике вещей должно было произойти?

– Ну?

– Лапти гну! Толик же не может от Пашки ни в чем отстать... Вот и ему, понимаешь ли, тоже угрызений совести захотелось. Таких же, как у сильного, крутого и честного Пашки. Чтобы все, как у больших, чтобы так же – кулаком в грудь. Причем самым срочным образом захотелось! И чтоб они покрасивше были, чем у Пашки. Вот он срочно и приглядел себе лахудру какую-то. А по угрызениям-то он и впрямь Пашку обогнал! Я-то с одним ребенком осталась, а Ленка – с тремя...

– Свет, ну не бывает же так, что ты! Оставить жену с тремя детьми только для того, чтобы перед кем-то красиво угрызаться совестью? Ты что!

– Бывает, Катюха, бывает. Чаще всего так и бывает. Таких, как Ленкин Толик, миллион и маленькая тележка. Он и карьеру хотел себе, как у Пашки, и фирму свою открыть... Все пыжился-пыжился! Все догонял-догонял! А только слабо ему, конечно. Так и будет вечным пятым подползающим при шестом заместителе. Так что вы с Сонечкой не очень и огорчайтесь по этому поводу.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Так мы и не огорчаемся. Просто обидно как-то за Ленку!

— Ну, у вашей сеструхи на этот счет своя философия! Она всегда во всех только хорошее видит. Всех любит, всех понимает, всех прощает.

— А это что, плохо?

— Не знаю, Кать... — вздохнула Света. — Может, и хорошо... По крайней мере, я ей за это очень благодарна. Я ведь как подруга тоже не подарок — могу и наехать за просто так, от плохого настроения, зло свое на ней выместить. А она ничего... Улыбнется, посмотрит понимающе — и все. И Толика своего она наверняка простила уже. Хотя на мой бы характер...

Света резко стукнула кулачком по столешнице, взмахнула красивыми светлыми волосами.

— Ты чего тут развоевалась, подруга? — снова вошла на кухню Лена, тихо прикрыв за собой дверь. — Катюхе на Толика глаза открываешь? Как на сей раз ты его обозвала? Бледной синюшной Пашкиной тенью? Или закомплексованным придатком? Или еще как покруче?

— А что, Лен, разве не так?

— Да так, так... Если сделать скидку на излишнюю абсурдность твоих образов, то в общем и целом — да, похоже на правду.

— Лен, неужели это и в самом деле так? — с ужасом прошептала Катя, обернувшись к сестре.

— Да не бери в голову, Катюша! Что делать, бывает и так. Я потом и сама уже догадалась.

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

— А ты что, с самого начала его не разглядела?

— Нет, Катюш. Не разглядела. Я влюбилась просто. По уши влюбилась! Он же парень симпатичный, в общем, и по натуре не злой. И положительный. Не пьет, не курит. Подумала — чего мне еще надо? Муж как муж, не хуже и не лучше других. А самое главное, он ведь и сам себя не понимает! Не видит себя со стороны и амбиций глупых своих тоже не видит. Отдал себя в чужое владение и ослеп. Он же в этом не виноват.

— Ну, Кать, что я тебе говорила?! — торжествующе посмотрела на Катю Света. — Подожди, сейчас она оправдает его по полной программе, дай только время! — И, обернувшись к Лене, резко продолжила: — Да он же тебя несчастной сделал, Ленка! Оставил на всю жизнь с тремя детьми мыкаться...

— Несчастной? — грустно улыбаясь, тихо спросила Лена. — Нет, Светка, что ты... Какой еще несчастной? Трудностей он мне добавил, конечно, с этим спорить не буду. А несчастной — нет. Я и с пятью детьми на руках счастливой буду. И детей своих этому счастью научу.

— Молодец, Леночка, молодец! — вдруг кинулась к ней Катя, обняла за хрупкие плечи, с силой прижала к себе. — Какая ты у нас с Мамасоней умница...

— Ой, блаженные... — покачивая головой из стороны в сторону и улыбаясь, протянула Света. — Все-то у вас хорошо да замечательно. А толь-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ко жить вы на что, счастливые мои, собираетесь? У тебя хоть деньги-то есть, подруга? — глядя на нее с жалостью, продолжила она тихо.

— Есть немного. Да еще вот Соня с Катюшей послала.

— А Толик? Ну, что он сказал, когда уходил? Помогать собирается?

— Сказал — будет приносить алименты раз в месяц.

— Вот сволочь... А он не сказал, как прожить на его алименты с тремя детьми?

— Так я ж работаю, Свет! Пока детсад закрыт, Катюша с детьми посидит.

— Работает она... У тебя ж зарплата копеечная!

— Ой, да проживем как-нибудь. Ты больше не ругай его, Свет. Он просто несчастный человек, и все.

— Да ладно, Ленк, не грузись! Никуда он от тебя не денется. Это ж надо моего Пашку знать.

— В смысле? — повернулась к ней Катя.

— А у него же все очень быстро проходит! Быстро загорелось, быстро и потухнет! Так что я поджду еще — наверняка скоро вернется. Он, когда к сыну приходит, такими виноватыми глазами на меня смотрит. Так что и здесь Толик твой не останется — быстренько у тебя нарисуеться! Вспомнит, что он муж и отец. След в след за Пашкой.

— Да на фиг он такой нужен вообще? — громко возмутилась Катя. — Правда, Лен?

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

— Не знаю, Кать, — пожала плечами Лена. — Дети ж не виноваты, что у них папа такой. Не знаю я. Голова болит. И холодно... — тоскливо глядя в окно и еще больше закутываясь в платок, тихо прошептала она. — Давайте лучше чаю попьем, девочки!

— Да какой чай, Ленка! Я ж сухого вина с собой притащила! Французского! Сейчас мы твое торжественное вступление в няньки и отметим, Катерина.

* * *

Ада долго стояла у зеркала, рассматривая свое тщательно выхоленное смугло-розовое лицо. А что — вполне еще ничего! Уж по крайней мере, на свои законные тридцать пять никак не тянет. Ну, может, на двадцать девять — тридцать... Не зря же на нее так запал этот молодой мужик. Нет, есть, есть в ней еще масса прелести и женского обаяния, самый расцвет, так сказать. Если еще и не лениться, не пренебрегать макияжем, поменьше демонстрируя утренние помятости, следить за собой тщательнее, то она еще о-го-го сколько может продержаться. Фигура вот только подкачала — расплылась в разные стороны, как наспех взошедшее тесто. Зато грудь хороша. Да и то — она ведь не рожавшая, слава богу. Теперь, кстати, и о замужестве, и о ребенке подумать можно. Пора уже. Чем Толик ей не муж? До смерти уж надоело в вечных любовницах ходить, роковую

ВЕРА КОЛОЧКОВА

страсть из себя чуть не силой выпихивая. Хотя и трое детей Толиковых — тоже не подарок. Гипертрофированное отцовство, знаете ли. Ну да и ладно, что ж делать, если выбирать не приходится. Безрыбье — оно с возрастом вот-вот подкрадет-ся, и тогда вообще неизвестно, за какого такого рака придется замуж выходить. А Толик — не пьет, не курит, за собой следит. Чем не версия законного мужа? Только зануда жуткий, конечно. Все какие-то ролевые игры ей навязывает. И странные такие... В таких играх кому что требуется, а этому — чтоб она его бывшую жену жалела. Прямо бред какой-то. Сколько мужчин через ее руки прошло — не девочка ведь уже, — а такого странного мужика первый раз видит. Только и слышно от него — ах, какой я подлец! Ах, какой негодяй! Сколько страданий жене принес! Ах, как там ей сейчас тяжело...

Видела она эту жену — бледная моль в тапочках. Чего по ней страдать-то? Так и хочется сказать — иди да и помоги ей, раз убиваешься. Денег там дай или с детьми посиди. Только нельзя. Она ж понимает — игра все это... Рисует-ся он перед ней, цену себе набивает. Посмотри, мол, что я ради тебя, Алочка, натворил в прошлой своей жизни. Оцени по достоинству.

И каждый день он будто бы к ней, к бывшей жене, сходить собирается. Вот и сегодня утром, уходя на работу, посмотрел ей трагически в глаза и говорит: «Ада, мне надо сходить туда...» А сто-

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

нать на эту тему вообще с вечера начал. Надо же. Такой молодой, а уже зануда. Ну ничего, она его быстренько от этого недостатка избавит, дайте только официально, так сказать, определиться. А пока она и потерпит, ладно уж, отчего и не подыграть мужику. Только бы не сорваться да не заорать на него раньше времени. Спугнешь – потом ищи себе нового претендента. Нет уж, она потерпит. Вон и ключ в дверях поворачивается, идет. Держись, Адочка, держись, умница...

Ада последний раз взглянула на себя в большое зеркало, поправила на груди алые кружева пеньюара и улыбнулась сама себе полными губами – хороша! И пеньюар этот красный необыкновенно идет к ее смоляным кудряшкам, рассыпанным волной по полным плечам...

– Здравствуй, милый! Как я соскучилась! Ужинать будешь, милый? – вышла она в прихожую к Толику, неся на лице заготовленную у зеркала улыбку.

– Не знаю... – трагически произнес Толик, бросая портфель на тумбочку и проходя в комнату. – Ничего не хочу. Даже думать ни о чем не могу!

В комнате он устало-небрежно опустился на диван, запрокинул голову на низкую спинку, помотал ею из стороны в сторону, прикрыв глаза.

– А что такое, милый? – участливо спросила Ада, присаживаясь с ним рядом. – Что случилось?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну ты же знаешь, Адочка... Мне же надо сегодня идти туда.

— Ах да, милый, прости, я совсем забыла! Но все равно надо поужинать, ты такой бледный!

— Конечно... Ты думаешь, все это легко выносить? Это выше моих сил, пойми! Будут снова слезы, снова плач детей. А Ленино лицо! Ада, ты бы видела ее лицо! На нем такое страдание безысходное написано, боже мой.

— Как я тебя понимаю, милый! Действительно, тяжело... Но ты держись. Ты помни — я всегда, всегда с тобой.

Ада погладила Толика по коленке, потом по щеке, старательно изобразила понимающе-любящий взгляд. Про себя же подумала зло: «Интересно, а какое должно быть у бабы лицо, если ты ей на руках троих детей оставил? Их же кормить-поить надо... Эх ты, сволочь моя ненаглядная. Ну погоди, дай только замуж за тебя выйти... Ты у меня тогда про все узнаешь — и про страдания, и про горе, и про слезы». Вслух же тихо, с придыханием произнесла:

— Ничего, милый, мы справимся. Мы же вдвоем, нам ничего не страшно. Вместе мы все вынесем, все испытания судьбы.

— Нет, ты меня не понимаешь, Адочка! Это... Это так мучительно! Я даже не знаю, на что она там существует. Я понимаю, что обязательно должен туда сходить, Адочка! Но сделать это так трудно!

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

— Ну конечно, милый. Я понимаю, как ты страдаешь...

— Вот чем она кормит детей, скажи? Наверняка с ними дома сидит, раз детсад закрыли. И с работы ее, конечно же, уволят. Глупая клуша! Ведь говорил же — зачем ей столько детей! Теперь я вынужден страдать и мучиться совестью — как она там с ними! Ну вот скажи — за что?

— Ты ни в чем не виноват, милый. Тем более детей она сама хотела. Ну прошу тебя...

— Ах, ну что она могла сама хотеть? Ей просто ума не хватило вовремя мне сказать! Глупая курица. Вечно смотрела на меня влюбленными коровьими глазами. А я теперь вынужден страдать... Это же мои дети, Адочка! Я ведь не перестал после ухода быть их отцом, ты ж сама понимаешь. У меня вот друг один есть, Павел, он тоже, как и я, жену свою оставил. Но у него-то всего один ребенок! Ему легче... А я? А мне как-ково? Да еще и жена абсолютно к жизни не приспособлена.

— Толик, а родители у нее есть?

— Да в том то и дело, что нет. Сирота она. Есть, правда, сестры, но они вообще где-то в замшелой провинции обитают... Конечно, я понимаю, что несу за эту женщину огромную ответственность, и из чувства долга мне мучительно больно рвать с ней, но по-другому я не могу... Не могу!

— Как я тебя понимаю, милый... — притворно вздохнула Ада. — Может, ты сегодня все-таки не